

Глава 10

Попрощавшись с друзьями, Цзи Цзышэнь с радостным видом подбежал к Цзи Чжицю, создавая картину идеальных семейных отношений.

Дети были наивны и ничего не заподозрили, но эта сцена сформировала у них определенное представление о семье Цзи Цзышэня, и они даже не догадывались, что все это было разыграно специально для них.

Как только они отошли на достаточное расстояние, улыбка исчезла с лица Цзи Цзышэня, и он отстранился от Цзи Чжицю.

— Папа, что ты только что делал?

Цзи Чжицю не сразу понял, о чем речь, и растерянно посмотрел на него.

Цзи Цзышэнь улыбнулся, его глаза сияли чистотой и невинностью, словно он и вправду был несмышленым ребенком.

— Мне показалось, или ты только что ударил себя?

Цзи Чжицю: «...»

Он неловко кашлянул и отвел взгляд.

Чувство вины достигло своего пика, и он, забывшись, инстинктивно отвесил себе пощечину. Он думал, что этого никто не заметил, но Цзи Цзышэнь поймал его с поличным.

Он сухо усмехнулся и на ходу придумал оправдание:

— На лицо комар сел, я его бил.

— Убил? — спросил Цзи Цзышэнь.

— Нет, — скрепя сердце, ответил Цзи Чжицю. — Наверное, показалось.

Цзи Цзышэнь больше не стал развивать эту тему, и Цзи Чжицю с облегчением выдохнул.

Они шли по пустынной тропинке в молчании. Лучи заходящего солнца окрашивали все вокруг в теплые тона и вытягивали их тени.

Цзи Чжицю вдруг что-то вспомнил и протянул Цзи Цзышэню бумажный пакет, который держал в другой руке.

— Посмотри, что внутри, — таинственно произнес он.

Цзи Цзышэня это не интересовало. Он смерил Цзи Чжицю изучающим взглядом, но все же изобразил удивление, широко раскрыв глаза.

— Ого, это...

Он достал из пакета плюшевого мишку и замолчал. На этот раз удивление на его лице было неподдельным.

Через некоторое время он поднял на Цзи Чжицю непонятный взгляд и с недоверием спросил:

— Это мне?

Цзи Чжицю с улыбкой кивнул.

— Я купил его в соседнем торговом центре. Специально выбрал самого милого. Тебе нравится?

Цзи Цзышэнь поджал губы и улыбнулся с предельной искренностью.

— Нравится.

Цзи Чжицю, тронутый его реакцией, нежно взъерошил ему волосы.

Цзи Цзышэнь обнял игрушку и слегка опустил голову. Когда Цзи Чжицю коснулся его волос, улыбка медленно сползла с его лица, и в глазах, скрытых от отцовского взгляда, появилось недетское, мрачное выражение, темное и непроницаемое.

Цзи Чжицю хотел сказать что-то еще, но тут зазвонил телефон. Он отвлекся и, жестом попросив Цзи Цзышэня подождать, отошел в сторону, чтобы ответить.

Стоило Цзи Чжицю отвернуться, как ребенок за его спиной резко поднял голову и впился взглядом в его спину.

«Откуда этот болван узнал, что он любит игрушки, и даже купил ему одну... Какова его цель?»

Во взгляде Цзи Цзышэня не было ни капли благодарности, лишь холодный расчет и презрение.

К несчастью, Цзи Чжицю этого не заметил. Он лишь почувствовал легкий озноб, словно кто-то сверлил его спину взглядом.

Закончив бессмысленный разговор с рекламным агентом, он повернулся к Цзи Цзышэню и увидел, что тот с восторгом обнимает мишку, то и дело прижимаясь к нему щекой. В его глазах, казалось, плясали сердечки.

При виде этой идиллической картины Цзи Чжицю не смог сдержать улыбки.

Цзи Цзышэнь вырос в приюте, и в том возрасте, когда ему больше всего нужна была любовь, он сталкивался лишь с жестокостью. Он не мог спать по ночам и с завистью смотрел на плюшевого мишку своего соседа по комнате. Но ему никто никогда не дарил игрушек. Искалеченная душа Цзи Цзышэня подтолкнула его к краже, но его поймали и жестоко избили.

Это стало его навязчивой идеей.

Несмотря на всю свою зрелость, он все еще был ребенком. Запоздалый подарок, конечно, уже не вызвал того восторга, что был бы раньше, но все же стал утешением, способным понемногу заполнить пустоту в его душе и вырвать его из кошмара прошлого.

Сначала он думал вручить подарок сразу при встрече, но потом понял, что Цзи Цзышэнь — не обычный ребенок. Он был не по годам развит, презирал взрослых, но отчаянно хотел стать одним из них.

Серьезный и взрослый «мужчина» не станет радоваться милой игрушке. Если бы он подарил ее на глазах у друзей, Цзи Цзышэнь счел бы это унижением и не испытал бы ни капли радости, а может, и затаил бы обиду. Поэтому он и дождался подходящего момента.

Глядя на восторженное лицо Цзи Цзышэня, Цзи Чжицю чувствовал, что все его усилия были не напрасны.

От радости он забыл обо всем и хотел было взять Цзи Цзышэня за руку.

Цзи Цзышэнь напрягся, едва не выходя из роли, но, увидев улыбку Цзи Чжицю, все же с трудом протянул руку и позволил себя вести.

Отец и сын шли домой вместе. Картина была трогательной, но на самом деле все это было лишь самообманом Цзи Чжицю.

Хоть он и знал предысторию, но все же недооценил хитрость Цзи Цзышэня.

Обнимая мишку, Цзи Цзышэнь всю дорогу незаметно изучал Цзи Чжицю. Он не мог разгадать

его фальшивую улыбку, но догадывался о его истинных намерениях.

«Этот болван, после рождения родного сына, всегда считал его обузой и хотел вернуть в приют».

Из приюта будут периодически приходить с проверками, опрашивать соседей. Цзи Чжицю просто решил подстраховаться, задобрить его, чтобы тот не наговорил лишнего сотрудникам приюта.

Он специально приехал встретить его и заставил всю дорогу нести игрушку — все это было спектаклем для окружающих, чтобы создать видимость идеальной семьи.

Поняв это, Цзи Цзышэнь опустил глаза, и на его лице промелькнула презрительная усмешка.

Хоть он и презирал этого болвана и никогда не считал его своим отцом, но это был лучший трамплин для него. Если он вернется в приют, вряд ли ему еще раз попадет такой легковверный дурак.

Во что бы то ни стало, он должен остаться в этом доме.

Словно поменяв маску, он прогнал мрачные мысли и, снова подняв голову, с невинной улыбкой спросил:

— Сычэн уже вернулся?

Цзи Чжицю покачал головой.

— Наверное, на следующей неделе.

Цзи Цзышэнь снова опустил голову, и улыбка мгновенно исчезла с его лица.

«Цзи Сычэна нет. Дома только эти два идиота. Значит, все будет просто».

...

Цзи Чжицю привел старшего сына домой и увидел, что соседка уже привела Цзи Яньяня.

Детская память коротка. Цзи Цзышэнь отсутствовал всего неделю, а Цзи Яньянь, казалось, уже его не узнавал. Глядя на этого незнакомого старшего брата, он забыл все наставления Цзи Чжицю и собрался было закатить истерику.

Цзи Чжицю, почував неладное, схватил его за шкирку и поднял в воздух.

Цзи Яньян, болтая ногами, возмущенно закричал:

— Отпусти, папа плохой, плохой!

Крики ребенка были оглушительными. Цзи Цзышэн безучастно стоял на месте. Он давно привык к предвзятости Цзи Чжицю и его потаканию младшему.

Но, к его удивлению, на этот раз Цзи Чжицю строго отчитал Цзи Яньян, и тот, перестав кричать, лишь надул губки и пустил пузырь.

Цзи Цзышэн замер, не веря своим глазам. Он остро почувствовал, что за неделю его отсутствия что-то неуловимо изменилось.

Он нахмурился, пытаясь понять, что происходит, но тут Цзи Чжицю неожиданно повернулся и с улыбкой помахал ему рукой.

— Не стой в дверях, проходи, садись на диван, отдохни.

Цзи Цзышэн снял обувь и сел на диван с таким видом, словно он был в гостях.

При виде этого Цзи Чжицю почувствовал еще больший укол совести. Еще немного, и он начнет просыпаться по ночам с криком: «Я грешен!»

Он с сочувствием погладил Цзи Цзышэня по щеке и мягко сказал:

— Я постелил тебе новое одеяло, оно теплое, пахнет солнцем. Пойди, посмотри, нравится ли тебе. А я пока помою фрукты.

Цзи Цзышэн взглянул на него, выдавил из себя невинную улыбку и звонко произнес:

— Спасибо, папа.

Цзи Чжицю еще раз потрепал его по щеке.

Когда Цзи Цзышэн ушел в спальню, Цзи Чжицю отправился на кухню мыть фрукты и готовить. Цзи Яньян, топоча, подбежал к нему и, словно маленький бычок, врезался в ногу.

Цзи Чжицю: «...»

Он едва не потерял равновесие и не упал в раковину. Упершись руками в столешницу, он повернулся и сердито посмотрел на Цзи Яньяня.

— Ты что съел, откуда столько бычьей силы?

Цзи Яньянь надул щеки и снова попытался боднуть Цзи Чжицю, но тот был наготове и легко отбил атаку, оттолкнув маленького бычка одним пальцем.

— Будешь так делать, я тебя ночью тоже буду головой бодать, так что по всей кровати кататься будешь.

Цзи Яньянь всегда проигрывал в играх с Цзи Чжицю. Услышав это, он тут же запротестовал:

— Ты полегче, я же ребенок!

Цзи Чжицю приподнял бровь и с улыбкой ответил:

— А ты забыл? Я тоже ребенок.

Цзи Яньянь не нашел, что возразить этому хитрецу, и замолчал. Но в душе он все еще был недоволен, его лицо менялось с калейдоскопической скоростью, а губы были надуты.

Цзи Чжицю, умиляясь, ущипнул его за губы.

— Ты что, утенок? Покрякай мне.

— Я не утенок.

— Ты утенок.

— Не утенок!

— Утенок!

Цзи Чжицю, казалось, родил себе живую игрушку. Парой фраз он обманул Цзи Яньяня, и тот пару раз крякнул. Тем временем Цзи Чжицю, не прекращая спора, принялся делать для детей яблочных зайчиков.

На кухне было шумно, и Цзи Чжицю не заметил, как дверь спальни за его спиной приоткрылась. Цзи Цзышэнь через щель бросил на него долгий взгляд и, не издав ни звука,

выскользнул из квартиры.

С мрачным лицом он бесцельно бродил по двору. Увидев возвращающуюся с покупками соседку, он изменился в лице, мгновенно превратившись в обиженного ребенка.

Он ссутулился, опустил голову и время от времени вытирал глаза тыльной стороной ладони, крепко кусая нижнюю губу. Но сдавленные рыдания все же донеслись до ушей соседки.

Соседка была женщиной доброй и очень любила детей. Она тут же обернулась на звук, ее лицо выражало беспокойство.

— Мальчик, что с тобой?

Цзи Цзышэнь, словно испуганный зайчонок, вскинул голову, показав заплаканные, опухшие глаза.

Соседка узнала его.

— Ой, да это же старший сын из квартиры напротив! Что ты здесь один делаешь, где твой папа? Что случилось?

Цзи Цзышэнь, видя, что его узнали, растерянно закусил губу и грубо вытер слезы.

— Бабушка, папа... это я сам захотел, я хотел купить братику сахарную вату, — с трудом выдавил он.

Говорящий, может, и не вкладывал в это особого смысла, но слушающий понял все по-своему. Соседка нахмурилась.

Дети наивны, и как бы они ни старались скрыть свои чувства, правда все равно просачивается наружу.

К тому же, испуганный, обиженный вид Цзи Цзышэня навел соседку на определенные мысли.

Добрая улыбка сползла с ее лица.

— Иди сюда, к бабушке, — поманила она его.

Цзи Цзышэнь, поджав губы, осторожно подошел.

Соседке стало его очень жаль. Она достала из сумки пачку молока.

— Это шоколадное, мой внук его обожает. Попробуй.

Цзи Цзышэнь взглянул на нее, спрятал руки за спину и замотал головой. Это вызвало у соседки еще большую жалость, и она силой всучила ему молоко.

Только тогда Цзи Цзышэнь нерешительно прокусил упаковку и принялся пить маленькими глотками. Его глаза заблестели. Было видно, что он никогда не пробовал ничего подобного.

Соседка, наблюдая за ним, сложила в голове картину произошедшего.

Когда эта семья только переехала, она удивилась, что у такого молодого парня уже трое детей.

Ей не пришлось специально расспрашивать. За время соседства она неизбежно узнала, что из троих детей только младший — родной.

Тогда у нее екнуло сердце. Она поняла, что в такой семье кто-то из детей обязательно будет страдать. Из повседневного общения было видно, что Цзи Чжицю во всем потакает своему родному сыну, балуя его донельзя. Даже ей это было неприятно видеть. А двое старших сыновей были на удивление послушными.

Но ведь дети не рождаются послушными. Наверное, чтобы остаться в этой семье, им приходилось быть паиньками!

Не получая отцовской любви, он еще и вынужден в таком юном возрасте заботиться о младшем брате. А ведь он и сам еще ребенок!

В тот момент, когда эмоции соседки достигли своего пика, Цзи Цзышэнь резко вскочил и поспешно пошел прочь.

— Эй, куда же ты? — окликнула его соседка.

Цзи Цзышэнь, стараясь выглядеть сильным, ответил:

— Спасибо, бабушка, шоколадное молоко очень вкусное, я хочу дать попробовать братику. И он ждет сахарную вату, если он ее не получит, то будет очень сердиться, и папа тоже...

Он, казалось, вспомнил что-то страшное и непроизвольно содрогнулся.

У соседки, которая до этого еще сохраняла остатки разума, при виде этого все сомнения

отпали.

Она была совестливым человеком и не могла оставаться в стороне. Сегодня она должна была вмешаться.

Соседка подошла и взяла Цзи Цзышэня за руку.

— Не бойся, бабушка пойдет с тобой.

Цзи Цзышэнь с растерянным видом кивнул, но в глазах его, скрытых от соседки, промелькнула торжествующая улыбка.

«Цзи Чжицю хотел разыграть спектакль и создать себе хорошую репутацию? Что ж, я ему это не позволю!»

Соседка, кипя от гнева, повела Цзи Цзышэня обратно и с силой забарабанила в дверь.

Изнутри донеслись голоса, но за толстой дверью было не разобрать слов. Через несколько секунд дверь открылась, и Цзи Чжицю с недоумением уставился на разъяренную соседку.

— Вы что-то хотели?

Соседка, уверенная в своей правоте и ослепленная гневом, уже собиралась обрушить на него поток брани, но ее прервал детский голос.

Цзи Яньянь вышел из комнаты.

— Папа, брата нет в комнате.

Цзи Чжицю, больше всего на свете беспокоившийся о детях, тут же повернулся.

— Как это нет? Он же отдыхал.

— Его правда нет. Можно я один съем яблочных зайчиков?

— Нет, нужно дождаться его, — Цзи Чжицю виновато посмотрел на соседку и, собираясь пойти на поиски, вдруг заметил за ее спиной краешек одежды.

Соседка тоже была сбита с толку. Она отступила в сторону.

— Разве это не ты заставил ребенка идти за сахарной ватой для его брата?

— Что? — Цзи Чжицю с недоверием посмотрел на стоящего за дверью Цзи Цзышэня. — Ты когда ушел? Почему мне не сказал?

И только потом до него дошло.

— Какая сахарная вата? Для брата? Но Яньняню нельзя сладкое!

Соседка, наблюдая за этой нелепой сценой, понемногу остывала.

— Что вообще происходит? Ребенок пропал, а ты, отец, даже не знаешь. Чем ты занимался? — с недоумением спросила она.

— Цзышэнь неделю был на военной подготовке, я боялся, что он устал, и отправил его отдыхать. Я все это время был на кухне, нарезал яблоки, а потом попросил Яньняню позвать его...

Цзи Чжицю растерянно посмотрел на Цзи Цзышэня.

— Почему ты на улице? Когда ты ушел? Какая сахарная вата?

Взгляд соседки метался между отцом и сыном и наконец остановился на Цзи Чжицю. Его руки были мокрыми, с них капала вода. Видимо, он так торопился открыть дверь, что даже не вытер их.

Выражение его лица было крайне растерянным, а в глазах плескалась та самая кристальная глупость, какая бывает у самых безобидных людей. В нем не было ни капли злого умысла.

Она поняла, что ошиблась. Скорее всего, Цзи Цзышэнь сам решил пойти за сахарной ватой для брата, но заблудился, а потом испугался, что Цзи Чжицю будет его ругать, и расплакался.

Цзи Чжицю был молод, ему одному приходилось заботиться о троих детях, неудивительно, что он что-то упустил. Ему и так нелегко.

Соседке стало стыдно за свои подозрения. Она с сочувствием похлопала Цзи Чжицю по плечу.

— Трое детей, все еще маленькие, тебе одному, наверное, очень тяжело. Если что, обращайся, я всегда помогу.

Затем она повернулась к Цзи Цзышэню и, хоть и с доброй улыбкой, но строгим тоном сказала:

— Цзышэнь, прежде чем уходить, всегда говори папе. Если будешь убегать один, можешь попасть в беду, а папа будет волноваться. Понял?

Цзи Цзышэнь не ожидал, что все его хитросплетения будут так легко разрушены одним лишь появлением Цзи Чжицю. Он стиснул зубы и выдавил из себя улыбку, которая была хуже плача.

— Я... я понял. Больше не буду. Буду слушаться папу.

<http://bllate.org/book/13428/1195567>